

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

Несчастливой любви
не бывает

Блестящие отзывы Льва Аннинского

Книги переведены на японский язык

ЛАБИРИНТЫ ДУШИ

Лабиринты души

Галина Артемьева

**Несчастливой любви
не бывает (сборник)**

«ЭКСМО»

2012

Артемьева Г. М.

Несчастливой любви не бывает (сборник) / Г. М. Артемьева —
«Эксмо», 2012 — (Лабиринты души)

ISBN 978-5-699-56630-3

Многие читатели романов Галины Артемьевой утверждают, что ее творчество оказывает поистине терапевтический эффект. Житейская мудрость, помноженная на талант, позволяет автору создавать не только увлекательные, но и глубокие произведения. Наилучшим образом это раскрывается в рассказах, каждый из которых можно, без сомнения, назвать явлением настоящей литературы. В сборник вошли рассказы «Иголка в стоге сена», «Незаметная черная кнопка» и другие произведения.

ISBN 978-5-699-56630-3

© Артемьева Г. М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Иголка в стоге сена	5
Незаметная черная кнопка	10
Вуду-дуду и все остальные	14
Кавказский пленник[2]	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Галина Артемьева

Несчастливой любви не бывает

Константину Лифшицу

Иголка в стоге сена

*...И снова сон, и снова грустный холод,
О мой Творец! не дай мне позабыть,
Что жизнь сильна, что все еще я молод,
Что я могу любить!*

И.С.Тургенев. «Русский»

Почему-то именно весной возникают особые надежды. Солнышко чаще светит, вот что. Силы у людей появляются мечтать. И всем сразу хочется нового. Вечной и верной любви, добра и имущества всех видов – как движимого, так и недвижимого.

Человечество явно продвинулось в своих вечных поисках исполнения желаний. Сейчас уже точно установлено: мечты сбываются. С некоторыми оговорками, правда. Сбываются они не ровно в тот миг, как происходит процесс мечтания, а как раз именно тогда, когда этого меньше всего ждешь. У жизни свое чувство юмора. Она часто улыбается нам в самый, казалось бы, неподходящий момент.

Вот, пожалуйста. Три человека. Совсем разные. Каждый – в смятении чувств.

Двое из них объединены прошлым, которое на то и прошлое, чтоб о нем не вспоминать. Однако прошлое настолько недавнее, что кажется пока настоящим и причиняет сильную боль и недоумение.

А третий – вообще существует отдельно. И не просто существует, а еле-еле.

Он всю осень и зиму провел в ежеминутной борьбе за жизнь. Девушку от гадов отбил. А самому досталось по полной. Вот судьба: был в горячих точках, невредим вернулся. А родной город Москва оказался точкой горячее самых горячих. Так хорошо все складывалось: работа, третий курс универа. Мать все намекала на внуков, дед – на правнуков. Сам стал думать: а правда, не пора ли? Оказалось, зря мечтали, потому как предстояла ему командировка. На тот свет. Откуда не возвращаются. Или возвращаются в порядке большого исключения. Чтобы на этом свете чашу страданий испить до дна.

И почему он тогда полез на самый нож? Иначе, видно, не мог. Такой характер сложился – умри, но заступись. Даже за самого чужого. Или чужую. Девушку-то спасенную едва по имени знал. Приглядываться только начал. А тут гады полезли.

Врачи успели вовремя. Ухватили отлетающую душу и силком водворили в неподвижное бесчувственное тело. Душа свернулась клубочком и долго не знала, чем помочь и зачем она тут нужна. Просто так полагалось. Врачи боролись за жизнь, она кое-как затеплилась. А дальше обещать было нечего. То есть перспективы были. Например, научиться сидеть. Очень сложно, но можно. Ходить – нет. Такого не прогнозировал ни один даже самый дерзкий и оптимистичный специалист. Сидеть. Ездить на коляске. Учиться продолжить. Работать потом... На компьютере. Сидя в инвалидном кресле. А что? Тоже жизнь.

Девушка первое время навещала. Входила в палату с полными слез глазами. Хорошая, симпатичная, спасенная им для нормальной жизни девчонка. Но не своя. Чужая. Она честно ходила и маялась. Понимала, что должна ему как-то отплатить за собственную сохранность. И родители ее появлялись. Всегда с цветами, как на могилу, а не к живому парню. Ну, какая

нормальная девчонкина мать к парню с цветами притопает? Она с метлой должна стоять. На страже дочкиных интересов. А тут... Эх...

Через месяц лежания, когда душа его распрямилась и окрепла, приспособившись к новым условиям, он велел девчонке не приходить. Жить своей жизнью и радоваться. И обязательно нарожать человек семь парней. Хороших и сильных. Чтоб гадов на свете стало меньше, а нормальных ребят прибывло.

Он велел ей пообещать, что так и будет. Она пообещала. Но и с него слово взяла. Чтоб на ноги встал.

– Вот первого сына покажешь, а я на него стоя взгляну, – уверенно сказал он.

Они даже помечтали, как будут дружить семьями.

Больше она не приходила, как он и просил. И это было правильно. Теперь ничто его не отвлекало от боли и стремления сделать по-своему наперекор всему.

Можно описать каждую минуту его дневной жизни. Они отличались друг от друга, эти минуты, разными красками и звуками боли. И разными словами, сказанными самому себе, чтобы перестать слышать собственное страдание. Боль – это то, что досталось ему от гадов. Он не мог оставить победу за ними.

Он сумел сесть. В рекордно короткие сроки. Врачи объясняли свершившееся на их глазах чудо молодостью и здоровым организмом. Все это казалось полной чепухой. Он-то знал: главное, суметь отдать четкий приказ. А потом выполнять без рассуждений. Этим он целые дни и занимался.

Вера в победу пришла, когда получилось пошевелить пальцами ног. Это событие, потрясшее врачей, стало доказательством их неправоты. А они радовались, как дети малые, заставляя его показывать толпам студентов великое событие – как рослый парень двигает поочередно ножными пальцами. Как будто сами этого делать не умели.

Усилия приходилось прилагать ежеминутно. Не расслабляясь и не жалея себя. Однажды ночью он проснулся от толчка в сердце. Чей-то чужой голос сказал ему отчетливо:

– И что ты напрягаешься? Боль-то навсегда при тебе. И даже если встанешь – сколько лет пройдет, чтобы ты стал прежним? И кого ты себе – такой – найдешь? И как? Легче иголку в стоге сена отыскать, чем такому, как ты, подругу жизни.

– Заткнись, – велел он чужому голосу. – Иголку найду, если надо. По травинке стог переберу, а найду. А подруга, которая обо мне мечтает, появится. Ведь и я мечтаю о ней.

Разве мог он позволить себе бояться поисков какой-то иголки в пусть даже огромном стоге сена? Еще чего!

После подвига с пальцами ног никто уже не сомневался в его возможностях.

И вот он встал. Как говорится, не прошло и полгода. Но что это по сравнению с вечностью, правда?

Осени не видел, зимы не видел. И словно очнулся вдруг: кругом весна, апрель! Что делается-то, братцы!

По дому он уже вполне сносно ходил. С костылями. Пока с костылями. Не прислоняясь к стенке, не останавливаясь на передыхи. Мама совершенно успокоилась и даже временами просила что-то принести ей из другой комнаты: забывать начала плохое.

Наконец апрельское солнце заставило его решиться. Он вышел на улицу. И потихоньку побрел, щурясь и улыбаясь настойчивости солнца. Сбылось!

На этой самой улице, по которой медленно передвигался самый счастливый человек на свете, стоял дом, где мучился и страдал человек очень и очень несчастный. Настолько несчастный, что он собирался умереть. И даже назначил час своей смерти. Полдень. Ровно в полдень его не станет.

При одном условии. Если ровно в двенадцать она не позвонит.

Он просил ее в письме, умолял дать ему еще один шанс. Последний. Иначе она может считать себя убийцей человека. Он выбросится из окна. Пусть не волнуется: предсмертной записки он не оставит. Ее никто не обвинит. Она сама до конца жизни будет знать, что убила его. Вот и все.

До двенадцати оставалось совсем немного. Он держал в руке телефон и ждал.
Позвонит или не позвонит?

Главное – пусть позвонит. Там уж он найдет слова. Уговорит простить. Поверить, что в последний раз и больше никогда-никогда.

Да, она красива. В том-то и беда. В том-то и главное во всей их истории. Она красива так, что люди не могут не смотреть. Это ему понятно. Но выдержать невозможно. Он злится, когда они зыркают в ее сторону. Он понимает, что она ничего не делает, чтобы привлечь чужое внимание. Она такая уродилась. Иногда ему кажется, что она даже до конца не понимает, насколько мощной силой обладает. Ведь любой почтет за счастье... Любой. А она с ним. И говорила всегда, что любит.

Он смотрел на себя в зеркало и не верил ей. Его не за что любить. Роста небольшого. Лицо – ничего особенного. Нет, не может такого быть – и все. И от этих мыслей он так на нее обижался, что хотел задеть, сделать ей больно так, как больно сейчас ему самому.

А ведь он все-все знал. И про то, что встретились они через месяц после смерти ее мамы. Долгой и трудной смерти от рака. Не время было маме уходить в ее сорок четыре года, а дольше пробыть с дочкой не получилось, как обе ни старались. Незадолго до вечной разлуки мама сказала: «Ты встретишь своего единственного, выйдешь замуж и родишь деток. Пусть их будет много. Одной плохо оставаться на белом свете».

Когда они познакомились, ей почему-то сразу стало понятно, о ком говорила ей мамочка. Она не собиралась искать кого-то еще, решив для себя все-все раз и навсегда.

А ему требовались проверки чувств. Он закатывал скандалы. Объяснял ей, что зря не станут оборачиваться, не иначе как она своим вызывающим поведением или неподобающей одеждой вызывает нездоровый интерес.

Поначалу это даже трогало ее. Любит! Он ее любит! Потому и боится потерять! Так ей казалось. И она привязывалась все сильнее.

Он же все проверял и проверял. И как-то это все затянулось. Превратилось в систему. Она уже знала, когда возникнет скандал. Понимала, что стараться избежать его невозможно. Скандал и истерика выплеснутся все равно, даже если она пойдет по улице в мешке с прорезями для глаз. Она старалась его развеселить, поднять настроение, придать сил. Помогало лишь на мгновения.

Она держалась только тем, что мамочка сказала о единственном. Не могла она пренебречь последними словами единственного на всем свете любившего ее человека. Единственный – терпи!

Кончилось все равно расставанием.

Три дня назад. Поначалу все шло по привычному сценарию. Он старался довести ее до слез и уверений в любви. Взвинчивал себя. И сам уже понимал, что все было, было. И то ли со скуки, то ли и вправду распалившись, он схватил ее сумку и цапнул оттуда ее старенький мобильник, жутко раздражавший его своей убогой старомодностью и дешевизной.

– Что ты за него держишься, за мусор этот? У тебя что там? Любовная переписка?

Вот тут она не выдержала.

Страх охватил ее. Страх потерять последние мамочкины слова, которые хранились в эсэмэсках.

Любой страх убивает любовь. Это прописная истина. Почему о ней забывают, поганя нежность угрозами?

– Отдай телефон, гад! – закричала она, ринулась, пытаясь отнять.

Он понял, что добился своего. Вывел ее на слезы и боль.

– Не отдам, пока всех твоих ублюдочных бойфрендов не вычислю!

Он подскочил и ударил ее кулаком с зажатым в нем телефоном по лицу.

Ей вдруг стало так пусто и холодно внутри, что страх пропал. Мамины слова она помнила и так. А с ним все – ни минуты дольше. Терпение лопнуло. Теперь-то она понимала, что именно значат эти два слова. Их смысл познаешь лишь на собственном опыте. Теоретически не постигнешь.

Он не ожидал. Обычно все шло иначе. Она принималась утешать и даже просить прощения. Он долго заставлял извиняться.

А сейчас... Она просто ушла.

Ни слова не сказала. Повернулась – и раз! Дверь хлопнула.

И не остановить. И не позвонить.

Он прочитал жалкие ее тайны: слова любви умирающей матери к остающейся на растерзание такими, как он, дочери.

Он ждал ее звонка. Пусть хоть обругает. Пусть потребует вернуть мобильник. Пусть.

Ничего не происходило.

Это и было самое страшное. Почти как смерть.

Он написал ей имейл. Обещал больше никогда... просил прощения... клялся, что выпрыгнет из окна, если ровно в двенадцать она не позвонит на собственный номер. Пусть даст ему шанс выжить. Последний шанс.

У него на сердце ничего не оставалось, кроме удушающей ненависти, от которой хотелось хрипеть и выть. Он ненавидел и ее, и себя, и все прошлое, которое уже не изменить. Как не изменить самого себя. Попробуй объясни, кто кого за что ненавидит. Не получится. Просто накачивает и накрывает с головой. Ни выплыть, ни вдохнуть не получается. Только тонуть.

Он привык о ней думать «моя». И страшно стало сознавать, что это все не так. Она, которая почти два года была рядом, которая терпела все, что он ни творил, теперь не с ним. Это-то он сумел прочувствовать.

Без трех минут двенадцать он встал на подоконник, уверенный, что, если она не позвонит, сила ненависти толкнет его вниз лучше любого удара со стороны.

Светило солнце, но ветер задувал холодный.

«Я простужусь», – подумал он и понял, что не прыгнет.

На фига прыгать ей на радость?

Он слез с подоконника. Двенадцать. Тишина. А всегда пунктуальная была. Не заставляла себя ждать. Это он обычно опаздывал.

Двенадцать ноль одна.

– Да пошла ты! – крикнул он навстречу весне, швырнул телефон в окно и плотно защелкнул раму.

Счастливый и одуревший от свежего ветра человек отдышал, опираясь на костыли. Краем глаза он заметил летящий на него сверху предмет и поднял навстречу ему руку. Хоп! Поймал! Реакция у него всегда была будь здоров!

– Ну-ка, посмотрим, что за птица прилетела, – сказал он небу.

И в этот момент телефон зазвонил в его ладони.

– Але, – отозвался он, уверенный, что сейчас сверху прибегут за пропажей.

– Я звоню потому, что не желаю тебе зла. Живи. Только со мной не получится, – сказал голос, который, казалось, он где-то слышал, знал. Может быть, внутри себя?

– Я не он. Я просто поймал этот телефон. Он из окна только что упал, – поспешно сказал счастливчик, боясь, что голос сейчас исчезнет навсегда.

- А вы где? – раздалось из трубки.
- Тут. Под окном, откуда мобильниками кидаются.
- А больше оттуда никто не кинулся?
- Никто и ничто. Вот стою, думаю, как вернуть пропажу.
- А вы не могли бы... Вы не могли бы отдать его мне? Это мой телефон. Его у меня отняли. Велено было в двенадцать звонить, а я в метро была, не успела, – голос звучал совсем не так, как в начале разговора, теперь он стал открытым и веселым.
- Конечно, мог бы. Вы где?
- Подхожу к кафе на углу. Только за дом заверните и увидите.
- Договорились. Только учтите: я еще очень медленно хожу. Ждите там.
- Конечно.

Потом она никак не могла взять в толк, почему не побежала навстречу ему. Почему просто сидела и ждала, радуясь телефону, как весточке от мамы. И не подозревала, что мамыны слова нес ей тот самый единственный и на всю оставшуюся жизнь, который и был когда-то обещан.

Незаметная черная кнопка

Часто люди в шесть утра выходят на площадку покурить? Бывает, конечно, но не регулярно, в порядке исключения. И уж, ясное дело, не потому, что проснулся, сделал зарядку, облился ключевой водой и потянуло курнуть перед трудовыми подвигами. Совсем наоборот. Ночь растянулась. Сидели по-соседски. В три часа ночи встретились у подъезда. Каждый откуда-то возвращался. И – надо же – сто лет не виделись, хоть дверь в дверь живем! Дому их больше чем полвека – тысяча девятьсот пятьдесят первого года постройки. Квартиру тут купить – миллион теперь стоит. А у них еще прабабки с прадедками здесь успели пожить. Родовые гнезда, а не квартиры серийные. Росли, можно сказать, вместе. А теперь так получается, что встретишься раз в полгода, и еще хорошо, если признаешь в темной фигуре, копошащейся у домофона, родного друга.

Момент такой встречи упускать нельзя. Вот они и поболтали сколько-то минут. Илье вообще спешить было некуда: все поколения обитателей его квартиры переселились на дачу с мая по сентябрь. Дома неуютно. Посуда громоздится в раковине. Холодильник пустой. Надо бы что-то там прибрать, придать человеческий вид, но потом, потом. Времени до возвращения семьи еще столько! Дачный сезон даже и не в разгаре. Петька, понятное дело, звал к себе. У него все пока дома, есть чем угостить. Главное, по-тихому, чтоб не разбудить заботливых близких. А то начнется: «Дай Илюшеньке то, да как дела, Илюшенька, да как папа-мама, деда-баба». И уже никакой личной жизни и нормального обстоятельного разговора не получится. Одна ерунда и суета.

Тихо – это они умели. И отлично посидели. И очень-очень бесшумно открыли дверь и просочились наружу курнуть. И тут их ждал удивительный сюрприз. Вот только-только они вышли. Так вот тут прям встали, еще на коврике, еще не отошли даже. И – открывается дверь Илюхиной квартиры – бесшумно совершенно, как во сне! И из нее выходит тетка-почтальон! С толстой сумкой на ремне! Спокойная неприметная тетка-почтальон с толстой сумкой на ремне, лицо, как у миллиона обычных теток, серая юбка, стоптанные туфли, взгляд «вас много, а я одна». Чуть-чуть как бы запинается, увидев их на площадке, но только на сотую долю секунды. А потом продолжает движение к лестнице. И дверь за собой не закрывает.

Первое ощущение – сон. Второе – дурдом. Третье – паралич.

И только после этого приходит невозможная мысль: воровка! У Илюхи в квартире воровка была!!!

– Илюха!!! Держи ее!!! Это воровка!!! Она квартиру вашу обчистила!!!

Тетка-почтальон с толстой сумкой на ремне продолжает неспешное движение, мол, ее это не касается, потому что не про нее.

Илюха в ступоре. Чужую серую тетку? Хватать? Своими руками?

Тогда Петька делает очень быстро два дела. Почти одновременно. Жмет на кнопку звонка, чтоб своих перебудить, раз такое происходит, и хватает разогнавшуюся исчезать тетку за ремень сумки. Очнувшийся Илюха вцепляется в теткину шкуру. Теперь ей деваться некуда. Поймали.

Тетка-воровка ведет себя пофигистски. Спокойно впирается уже в Петькину квартиру. Они двое – Илюха с Петькой – разгорячились, разволновались. Это ж не каждый день – вышли, дверь открылась, оттуда сумка с почтальоншей, и надо ловить. А ей абсолютно чихать и кашлять на все. И носовым платком не прикрываться.

Из недр квартиры уже бегут свои. Кто в чем. Глаза б не глядели.

– Что стряслось, Петька? Кто там с тобой, Петр?

Приходится объяснять.

– Полицию надо вызвать!

- Сумку у нее заберите!
- Илюшенька, в квартиру к тебе пойдём, посмотрим, что она там...
- Нет, не смей до приезда милиции!
- Ее, ее держите! Связать ее надо, убежит!

Воровка по имени Марина нагло улыбается, глядя на этих чувырл. Ну, пусть вяжут. Ну, пусть мусоров вызывают. Напугали! Обидно, конечно, попадаться. Но не страшно. Она и попала-то всего второй раз за всю жизнь. А ей уже тридцать шесть. И ворует с шести! Это она так условно считает. Сколько помнит себя, столько и ворует. Но в данный момент удобно считать, что с шести. Получается круглая дата. Стаж трудовой! Юбилей.

Воровать ей нравится. И талант у нее к этому. Ловкость есть и интерес. С квартирами она связалась не так давно, лет десять как. До этого в магазинах, на рынках. Любую шмотку, какая понравится или нужна в хозяйстве, занять для нее, что для другого вдох-выдох сделать. И в первый раз попала по-глупому, не на выносе даже.

Уперла из магазина «Весна», старого еще, нормального, не навороченного, как теперь, несколько платьев с вешалками прям. Пошла типа в примерочную. Сколько-то отвесила – не надо мне. А самые что подороже – в сумку. И унесла. Так бы и несла себе да несла, а уж как греху быть... Решила вешалки выбросить зачем-то. Задергалась. Ну и в тот момент, как вешалки в урну втискивала, мент за локоток и взял: «А ну-ка, ну-ка, что это ты кидаешь, что у тебя в сумке-то?» Так и повязал. А только худа без добра не бывает. Ее там в камере научили, как говорить. Адвоката дали халявного, молодого практиканта. Он и расстарался. Послал на экспертизу. Вроде как болезнь у нее психическая. Есть, оказывается, такая болезнь, когда чокнутый псих обязательно красть должен. Вот и не надо ему, а он крадет. Это ему радость жизни доставляет. Адреналин в кровь добавляет. Фиг его знает, что это за адреналин такой. Но, видно, что-то позарез нужно, раз многих за этим адреналином тянет и тянет.

Короче, плела она врачам все, что подсказали добрые люди. И от себя добавляла чего могла. О детстве, ластиках из чужих портфелей, ручках с учительского стола и мелочи из материнских карманов. Все страшные факты своей биографии припомнила. Придумала про борьбу с собой невыносимую. Про невозможность сопротивляться пагубному недугу. Про то, как что-то вдруг толкает, заставляет. И ненавидишь себя, и подчиняешься. Страсти всякие. В результате всех этих театров появилась у Марины бумага с диагнозом. Клептомания у нее, вот как. И попробуйте ее воровкой назвать – получите прямо в наглую свою морду. И ничего ей за это не будет. Потому что она – больной человек. Врачам виднее. Они учились. Знают.

– Зачем же вы ее в комнату-то завели? Чтоб она у нас теперь разглядывала, что своровать?

- Пусть попробует только!
- А чего не попробовать, – глумится Марина, – можно подумать, вы особенные.

И как-то всем становится понятно, что запросто придет и грабанет. И еще издевательски как-нибудь все устроит. И нет почему-то против нее приёма. Вот ведь – Илюхину железную дверь открыла, почему бы и эту не открыть. Глазками своими быстро все назырила, что почем. Ей теперь красть – две минуты только, войти и выйти.

– Вы думаете, сигнализацию поставите и будете как в банке? – Марина совсем распоясалась, учуяв звериным своим чутьем их растерянность. – Ни хрена подобного не будете. Провода всей вашей сигнализации поперекусываю, на двери ваши плюну три раза и войду. У меня заговор есть.

Она совсем вошла в раж. Будет она их бояться! Пусть они сидят дрожат и ждут своего часа. Пожалеют еще, что впутались во все это. Дали б уйти спокойно. Можно подумать, унесла она у них десять тонн сокровищ! Украшения непонятно какой цены и денжат пачечку жалкую, как это людям не совестно так жить! А еще в Центре.

- Это кто тут к нам пожаловал такой смелый?

Перед Мариной-воровкой предстает новый смехотворный персонаж. Ну, с ними не соскучишься, честное слово! Бабка выползла! Восемьдесят, а может, все сто ей? Этой что надо? Халат на пузе потертый, шлепанцы, волосы седые узлом. Взгляд колючий, неприятный. Ежится Марина от ее взгляда.

– Ну что? – вопрошает старуха. – Нам сидеть бояться, когда ты сигнализацию перерубишь, а тебя никакой страх не возьмет?

– Ага! – кивает Марина.

– А отчего же такое бесстрашие, позволь поинтересоваться?

Пусть, пусть узнают, рыбы фаршированные!

– Диагноз у меня! Справка! Приедут менты, все равно отпустят. Больная я.

– Психическая? – участливо любопытствует старушечка.

– Клептомания, – поясняет Марина гордо.

– А-а-а! Вот оно как!

Старуха что-то медлит, пристально вглядываясь Марине в самое нутро. Губами пожевывает. Марине вдруг делается обидно. Спать пора! Устала она. Ночью подъезд караулила. После трех эти дебилы наконец вошли, она за ними втихомятку. Этот тому орет: «Я один, я один, все на даче, все на даче», а тот: «Пошли к нам, пошли к нам!» Минуту какую-то времени упустила. А то бы уж дома у себя спала, а не разговоры разговаривала со всеми этими. Уроды! Все равно ведь будет не по-ихнему. Только время отнимают.

– А все же ты напрасно думаешь, что у нас на тебя управы нет! – провозглашает внезапно старуха. – Смотри-ка сюда!

Она указывает узловатым пальцем себе на грудь, пониже морщинистой шеи.

– Смотри внимательно! Видишь?

– Что «видишь»-то? – тревожится вдруг Марина, пристально глядя на указанное старухиным пальцем место.

– Смотри! Смотри!

– Ну???

– Черную кнопку видишь?!

И правда! Под старческим пальцем оказывается какая-то черная блестящая кнопка, как на дверном звонке.

– Видишь черную кнопку?!

– Да! – ужасается Марина.

– Вот я сейчас нажму на эту кнопку (она у меня без проводов, ничего перерезать невозможно), вот я на нее нажму, и ты увидишь тех, кого послушаться не сможешь. Ты поняла?

– Поняла, – шепчет Марина.

– Я считаю до десяти! На счет «десять» нажимаю кнопку, и они появляются.

– Не надо, – пугается Марина, но глаз от кнопки оторвать не может.

– А с тобой иначе нельзя. Внимание на кнопку!

Старухин палец постукивает по черной полированной поверхности.

– Раз! Все внимание сюда!!! Два! Смотрим, не отрываясь! Три! Сосредоточились на кнопке! Четыре! Глаза широко открыты! Пять! Дышим глубоко! Шесть! Готовимся к встрече! Семь! Пристально смотрим! Восемь! Девять! Десять! Вызываю!

Сразу ли после вызова появились они или прошло какое-то время и сколько, Марина так и не поняла. Это все у нее как-то не поместилось в голове и вываливалось оттуда при любой попытке обдумать что да как. Они были огромные и очень страшные. Ни в одном кино таких не увидишь. Вот оно как! В кино не увидишь, а наяву пришлось! Штук десять. «Человек десять» язык не поворачивается сказать. На людей не больно похожи, только что шевелятся, как люди, и разговаривают понятно. А так... Эсэсовцы какие-то с клыками. По пять глаз на мордах. Из

ушей – и то глаза торчат. Старухины у всех глаза. Торчат во все стороны, куда ни отвернешь от них.

– Что с ней делать? – спрашивают у старухи хором.

– Отучить воровать! – приказывает им их начальница. – Чтоб и мыслить о воровстве не смела! Чтоб при одной мысли испытывала дурноту и ужас!

– Тебе страшно воровать! – воют ужасные. – При одной мысли о воровстве ты испытываешь ужас, ты не можешь пошевелиться, тошнота и рвота мучают тебе!

Марина пытается закрыть глаза, чтоб только не видеть их. Но глаза не закрываются.

– Я отказываюсь от воровства! Повторяй! Я отказываюсь от воровства!

Воровка повторяет и повторяет, не понимая даже за кем, кто приказывает ей, кому она подчиняется.

– Ты сейчас уйдешь отсюда и забудешь этот дом. Помни только про черную кнопку! Всегда помни про черную кнопку! Выведите ее вон! – командует старуха.

Кто ее вывел на улицу, как она оказалась в своей квартире, это Марине неизвестно. Как и не памяты события недолгой июньской ночи. Воровать не тянет. При одной мысли что-то страшное мерещится, жуткое нестерпимо.

Илюша до сих пор не может понять, что там у Петькиной бабушки была за кнопка и почему воровка так прибалдела.

Петька все пытается объяснить, но он сам слышал краем уха, не вслушивался раньше, поэтому пояснения его туманны и расплывчаты.

– Прадед мой, короче, любимый ученик Бехтерева. И Бехтерев¹ был даже бабкиным крестным.

– Ну и чего этот Бехтерев?

– Так он всеми этими делами занимался. Телепатией там всякой и все такое.

– А бабушка твоя чего?

– Она у отца своего училась. У прадеда моего.

– Телепатии?

– Да нет, ну вообще-то она врач. Научной работой занимается.

Пора все-таки у своих все подробней порасспросить, может, и у него когда-нибудь появится эта... Незаметная черная кнопка.

---

¹ Бехтерев В. М. – выдающийся русский медик-психиатр, создатель теории рефлексологии. Многие годы исследовал вопросы гипноза и внушения.

Вуду-дуду и все остальные

Большинство итальянских городов устроено одинаково: античный центр со средневековыми наростами, возрожденческие дворцы, муссолиниевские дома-коробки без затей для пролетариев времен больших предвоенных надежд, а далее уж что придется. В центре же обязательно должен быть театр, а то и несколько. Когда-то опера – любимый жанр – процветала. Зрители по много раз посещали одно и то же представление, лишь бы дышать одним воздухом со своими кумирами, лишь бы упиться звуками их дивных голосов. Ложи абонировались на целый сезон. В их мягкой бархатной глубине разворачивались несусветные драмы и фарсы, от самоубийств и торопливых адюльтерных совокуплений до банального мордобития. Обстановка располагала: диваны по стенкам, столики для винных бокалов и милой дамской чепухи – биноклей, перчаток, вееров. Каждая ложа отделена от остального мира тяжелыми драпировками. Хочешь себя показать – облокотись о парапет, поведи плечами, ощути жгучесть постороннего любопытства, утешься им. Нет – откинься на своем ложе во тьму принадлежащего тебе пространства и наблюдай, как бурлит, пенится и оседает пылью время, которое придумали себе люди.

Теперь времени приказано течь по-иному. Ложи как место свиданий и тайн остались в прошлом. Тайн не осталось. Нет, каждому, конечно, есть что скрывать – ну там целлюлит на бедрах, количество подтяжек и лет. Но с этим как-то можно сжиться, обустроиться в окружающей среде. И даже мало-помалу сделать себе имя на разоблачении некоторых интимных подробностей своего существования. Главное, чтоб быть на виду и чтоб про тебя знали. Такая вот бархатная революция осуществилась. От секретных садов к полному их обобществлению и дальнейшему сведению с лица Земли. И все стало как-то скучно, потому что было миллиарды раз. Одна только вера и надежда, что где-то в недрах не обжитых еще до конца континентов зреет нечто еще невиданное и осталось у сытого на данный момент культурного содружества наций.

Иногда и случается. Съезжаются, как в добрые старые времена, разряженные в пух и прах по мере возможностей ценители эстетических ощущений и новизны. Говорят, певицу привезли из глубины Черного континента. Сама необыкновенная с необыкновенными музыкантами на необыкновенных инструментах. Голос необыкновенный. И все остальное. Самородок. Весь город (античная, средневековая и дворцовая его части) стоит на ушах, стремится услышать, невзирая на цену билета. Никто и не замечает, как трагически и бесповоротно распалась связь времен, настолько распалась, что некому даже прокричать или хотя бы прошептать: «Люди, будьте бдительны! Возьмите с собой продукты, бесполезные для пропитания, – гнилые помидоры, несвежие яйца! Вы ж не ТВ идете смотреть. А вдруг все будет не то и не так? Как же вы станете выражать свое отношение к низкому уровню мастерства?»

Ничего. Все схавают. И микрофоны, и звукооператоров, суетливо регулирующих качество и силу звука, и мощные усилители, нелепо громоздящиеся по периметру зала.

Свет гаснет. Темнота напряженно ждет.

Наконец показывается стройное бритоголовое африканское сокровище в полупрозрачном платьице с гитарой через плечо, за ней – крепкая негритянская команда, скорее похожая на телохранителей, чем на музыкантов. И начинается концерт племенной художественной самодеятельности: «Гуд ивнинг, ледз энд джентелмен, найс ту си ю», так сказать.

И все движется своим чередом, вялотекуще, хронически, безнаказанно. Нет, за прошлые заслуги могли все-таки пощадить великолепный зал, не предавать поруганию. Он таких титанов видел и слышал! А тут действует закон природы номер один – она не терпит пустоты. Нет исполинов – культурное пространство не опустеет, заполнится пигмеями. Тем более никого этот факт не жжет, не губит.

Первое отделение благополучно добирается до финальных аккордов, и тут весь зал обращается к самой дорогостоящей ложе, расположенной напротив сцены. На красном бархате парапета стоит босая юная женщина. Ей не нужны подсветка и усилители. Сияет ее кожа, платье.

А у меня есть
Дружок давний, —

песня драной русской души наполняет театр без ненужных слабаческих приспособлений,

—
Да он теперь
В сторонке дальней...

Голос подчиняет себе все. Как паводок, без спроса проникает куда не звали. Против такого не устоишь. И убежать не удастся. Остается только плыть, куда тянет стихийная сила.

Придет милый,
Выйду в сенцы,
Ах, расскажу,
Что есть на сердце.

Зрители застыли. Тишина. Певица выглядит, как мифическая сомнамбула. Страшно аплодировать, страшно будить. Ждут еще. Только лысая артистка на сцене возмущается, вертит блестящей головой. Не знает, чем взять, чтоб вернуть себе силу толпы.

А тут грядет шаляпинское, оказавшееся подвластным этому низкому лунатическому звукотечению:

... О-о! Как сладостно сердцу!
Ах, если б навеки так было!..

Ложа уже освещена. Все театральное собрание возбужденно встает, разрывая тишину, оставленную улетевшей в райскую высоту песней.

– Brava!!! Brava!!!

Коллектив на сцене тоже пробуждается от гипнотического столбняка.

Они смотрят друг на друга, эти неевропейские дикие миры. Для черных артистов она – белая бриллиантовая богачка, отнимающая у них хлеб. Лохматый парень из африканской свиты яростно выкидывает вперед средний палец. Напугал!

Она отвечает интернациональным жестом: выбрасывает вперед сжатую в кулак правую руку и как ножом проводит левой по локтевому сгибу.

Публика, окрыленная жгучим немим диалогом, неистовствует.

Девушка спрыгивает в недостижимую тьму ложи и мгновенно исчезает вместе со спутником.

Они идут по пустой площади.

Девушка зябко кутается в шубку. Из рта вырывается пар. Кто придумал, что Италия теплая страна? Март, а без шубы не обойтись.

– Grade, cara! – Провожатый бережно поддерживает свое сокровище. – Ах, как же ты пела! Мне было сладко во рту от твоих песен. Нет-нет, не отвечай, дыши в воротник – горло застудишь.

Заходят в ресторан. Владельцы его – большое семейство – устроились перед телевизором: гостям еще рано, все в театре. После представления начнется беготня, ни одного пустого местечка не останется.

– Как Африка? Не понравилось? – любопытствует хозяин, принимая заказ.

– А! – выразительно отмахивается гость. – Nulla – пустое место.

– Так я и говорил, – кивает хозяин, – выброшенные деньги. Их француз привез. Импресарио у них – француз. Никто его не знает. Жулик, и все.

Он приносит вино и душистый теплый хлеб, чтоб гости утолили первую жажду и первый голод.

– За тебя! За твой голос! За твое будущее! – влюбленно воркует мужчина. – Я так мечтаю, чтобы ты снова начала петь. Сейчас – твое время. Ты можешь все. Ну же! Улыбайся, радуйся! Молодость, талант, красота! Мир у твоих ног. Я всегда рядом.

Девушка кивает и улыбается скованно. Ей не хочется огорчать своего спасителя, своего нового любящего мужа. Ей, как птице зимой, необходимо переждать, отогреться. Она будет петь, совсем скоро. Сердце оттаает, оттаает.

Ей кажется, она много старше своего пятидесятилетнего спутника. Не может быть, чтоб ей было только двадцать шесть. Ладно, пусть все думают, что она молодая, она не станет разубеждать. Да и кто ей поверит? Разве что только тот, кто из одной с ней страны, в которой всякие чудеса возможны.

Вот всего год с небольшим назад она была совсем девчонкой. Не оглядывалась на то, что позади, не думала о том, что впереди. Жила настоящим. Пела, любила, дружила.

У нее был голосище, который делал ее невесомой, стоило ей запеть. У нее был муж, старше всего на четыре года. У них была долгая любовь – сначала школьная, потом супружеская. Ее не хотели отпускать за него замуж – зачем такой ненадежный вариант при таком грандиозном таланте? Он поклялся, что станет богатым, сильным мира сего, все обзавидуются его жене. Не верили, ясное дело. Замуж, правда, разрешили.

А он стал! И богатым, и сильным. Они любили друг друга. Летали на выходные в разные страны. С ними случались настоящие приключения: снежная лавина в Австрии (они выкарабкались), ядовитая змеюга заползла в палатку в Африке (заметили вовремя), ураган во Флориде (крышу их бунгало снесло ветром, как пушинку). Страх не было. Только интерес: что еще? Что дальше? Как будто все не с ними, а в кино про них.

Муж только сильно парился, когда она пела. Не желал, чтоб хоть часть того, что по праву принадлежит ему, доставалась чужим. Она старалась его не огорчать. Вот они вдвоем. Красивее, чем любая киношная пара. Прекрасны без ухищрений. Что еще желать?

Она считала, что у них много друзей. Настоящих. Дня без них прожить не могут, скучают. У друзей не все так хорошо складывалось в жизни, природа не наделила ни силой, ни особой удачей. Ну не всем же? Им было не жалко делиться уютом своего дома, едой, деньгами, весельем. Она и не подозревала, что именно за это могут и должны ненавидеть окружающие. Безукоризненное отношение к ближнему способно довести этого ближнего до иступления, развить такой комплекс неполноценности, что с ним – хоть в маньяки подавайся.

Самый любимый друг у нее был фотограф. Ревнивый муж к нему не ревновал. Парень был не той масти. Голубенький. Пугливый такой, ранимый. Женщинам поучиться. Она любила у него посидеть, в его маленькой квартирке. Там уют обступал, как в домике Барби. Пахло приятно, палочками сандаловыми. Музыка эзотерическая звучала. Вино она старалась покупать для этих визитов самое изысканное. У него она пела. Всю душу выкладывала. Он ей рассказывал о своих влюбленностях, хвалился или жаловался, по обстоятельствам. Она поддерживала, чем могла. Привозила из Нью-Йорка и Лондона стильные одежды, запахи, аксессуары. У него с деньгами было всегда не ахти. Он фотографом считался начинающим, к тому же романы постоянно вклинивались в трудовые будни. Требовалось все время склеивать разбитое

сердце. В такие тяжкие моменты она всегда оказывалась рядом, выгуливала как могла, водила по дорогим ресторанам (муж не всегда мог развлекать ее вечерами – дела душили), несколько раз летали они «на фотосессии» – это так в шутку у них называлось, когда она брала его в дальние страны, чтоб одной не скучать.

Она ему доверяла больше, чем всем подругам, вместе взятым. У женщин, как ни крути, чувство зависти развито непропорционально, они иной раз и скрыть его не могут. Чем лучше ты выглядишь, тем гаже комплимент отпустят. Похудеешь – «ой, что-то ты высохла вся»; загорись – «загар вообще-то старит»; в платье новом необыкновенном окажешься – «чей-то на тебе такое непонятное?». Мужчина же – неважно, голубой или полосатый – на мелкие подлечства не способен. Он выше этого, даже если и сам влюбляется только в мужиков и ты ему вроде как конкурентка. «С тобой опасно ходить, ты всех моих кадров отвлекаешь», – жаловался капризно ее дружок. Оба они над этим и хохотали. Потому что у него – свои поклонники, у нее – свои. Никому не может быть обидно.

И вот разразилась гроза. Настоящая трагедия. Влюбился ее друг по-настоящему, до смерти. Он поклялся вскрыть себе вены, если не будет взаимности. В его обычно мягких глазах читалась решимость пустоты. Она давала советы. Как одеться, как себя вести. Не навязываться, но постараться быть рядом. Он не называл имя своего возлюбленного – не имело смысла, в удачу он не верил. Только плакал и страдал. Не помогали никакие отвлекушки. Она поучала: напиши имейл. Признайся первый, как Татьяна Онегину.

– Да-а, и что из этого вышло, помнишь? – всхлипывал безнадежно влюбленный.

Впрочем, он написал (послушался) чисто дружеское письмо, из которого объект его страсти явно ничего не понял, потому что ответил безлико и равнодушно.

Она все время думала и думала, как же ему помочь, ведь не бывает в жизни безвыходных ситуаций. Ей совсем скучно сделалось без него прежнего, без шуткования шуток и томных вечеров в его душистом-пушистом гнезде.

И додумалась! Поможет не поможет, а развлекалка выйдет экстра-класса. Войдет в тусовочные анналы, когда потом будут они опытом делиться.

– Все! – приказала она. – Не плакай! Мы с тобой к вуду полетим, колдуй-молдуй сделаем, никуда этот гад бессердечный от тебя не денется. (Где-то она про этих вуду слышала, что прикардывают в два счета и крепче суперклея.)

В элитном турагентстве, организовывавшем им с мужем все их индивидуальные туры, привыкли не удивляться ничему. К тому же «вуду» – тема вполне популярная, если кто способен платить.

– Вам куда? В Западную Африку – там колдуны, от которых, собственно, произошли вуду? Ворожат замечательно, все, кто воспользовались, результатами довольны. Сравнительно недорого. Отели довольно задрипанные потому что. Питание – на ваш страх и риск. Но если хотите по высшему разряду, к настоящим вуду, то вам – на Гаити! Вот: летите до Флориды, там можно сделать остановочку, покупаться-позагорать, шопинг опять же. А потом еще 600 миль южнее и – Порт-о-Пренс, столица Гаитянской Республики. Горы, океан, кокосовые пальмы, плантации кофе и какао, лимонные и апельсиновые чащи, кайманы, фламинго – красота! И вот там-то и есть самые настоящие вуду – это у них религия такая интересная. Главный Бог у них – христианский, он руководит их древними африканскими божочками. Эти свое дело знают! Стопроцентный результат.

Кто б отказался? Ведь интересно же! Вдруг поможет? А нет, так по крайней мере ветер странствий горе развеет, слезы высушит.

Муж сначала наотрез отказался платить за двоих.

– Тебе – пожалуйста. Хочешь – Гаити, хочешь – Таити. А федик твой пусть сам за себя платит, хватит с него.

Но она просила-умоляла, подлизывалась. Ну как она одна поедет? Тоска смертная. Ты вечно не можешь. Слова не с кем сказать. Ну пожалуйста, пожалуйста. Ну можешь на день рождения ничегошеньки не дарить и вечеринку не устраивать, а? Только сейчас – ну пожалуйста.

Уломала. Дружок ее и не представлял, чего ей это стоило. Зато потом всю поездку ухатывались, прямо колотились от радости.

– Вуду-дуду! – пела она своим колдовским голосом в салоне первого класса. – Мы едем к вуду-дуду! Пусть нам вуду – сделают колдуду!

Все им улыбались. Молодость и красота – все тянутся, все греются.

Во Флориде остановились в отеле, принадлежащем певице Мадонне. Публика – театр! Заказывай в баре выпить и смотри бесплатное кино. И тобой пусть любят, кому интересно. Болтай со случайными знакомыми, срывайся с ними в новый модный ресторан, где гости едят на кроватях, плавай ночью в бассейне, пой звездам свои песни. Засыпай, когда сон сморит, просыпайся с предчувствием счастья.

И это только прелюдия! Впереди маячило самое интересное.

На Гаити все были веселые, хоть и жутко бедные. Дело же не в деньгах, а в климате. Солнце и океан – круглый год, есть из-за жары не тянет, томление, нега. Плохое настроение – бултых в лазурную волну! Выходишь опять с улыбкой. Но все-таки странно, что, имея таких чудодейственных вуду, не наколдовали они себе богатства и материального процветания. Не догадались, наверно.

Колдун оказался выцветшим невзрачным черным типом с едким взглядом. Он сразу жестом подозвал к себе страждущего влюбленного, а на нее только качнул головой и сплюнул. Зубов у него во рту было мало, как у нищего, хотя денег затребовал он немерено. Впрочем, с зубами у всего гаитянского населения дело обстояло подобным образом, мода у них, вероятно, такая.

Ей внезапно сделалось жутко, зябко и захотелось плакать. Вспомнилось, как слышала где-то, что ворожба – грех.

– Но мы же так, прикалываемся! Никому плохо не будет! – пояснила она черному небу и внезапно налетевшему ветру.

Что-то как будто дрогнуло в ответ. Словно один кадр на другой наехал.

Наконец вышел ее друган с потертым полиэтиленовым пакетом, как у уличного попрошайки. В пакете лежало полно всего непонятного – смотреть запрещалось. В отеле он уложил все это добро в дорожную сумку. Они еще немножко пожили у океана, но, видно, устали уже от впечатлений, веселья прежнего не было, и хотелось домой.

Дома завертелись дела, приглашения, встречи. Подкатил Хэллоуин – веселый праздник с переодеваниями. Они с мужем оделись скелетами: на обтянутых черным телах фосфоресцировали белые кости. Праздник такой, что надо подсуетиться в нескольких местах побывать: везде смешно, знакомых полно, сплошные удивления. Все только и говорят про какую-то старую фабрику, дескать, там глупость и бред, скука и не пойми чего. Ее друг-фотограф после Гаити дизайнером заделался, оформил помещение для праздника. Какой фотограф, такой и дизайнер – полный маразм. Но глянуть надо одним глазком на дело рук идиота. (Кто его после этого еще чего оформлять позовет, хотелось бы знать?)

От старого здания так и разило жутью и тленом. Какой-то вой нечленораздельный раздавался, хриплые вздохи, усиленные динамиками, начисто лишали надежды, что все здесь происходит понарошку. Они пробрались по сомнительным мосткам внутрь.

– Ой, щас испугаюсь, – манерно пищал женским голосом ее муж-скелет.

Ей было страшно по-настоящему.

Ничего особенного увидеть и пережить не пришлось. Высоко над их головами, на бельевых веревках болтались всамделишные куриные головы, лапы скрюченные, перья, тоненькие сухие птичьи кости.

Да уж! Нафантазировал! Смотреть не на что. Лучше бы живых кур с петухами напустил. Петухи бы хоть клевались, кукарекали, куры кудахтали, гадили бы всем гостям, переодетым в нечисть, на ноги и еще куда-нибудь по мере их возможностей. Все ж развлекуха. А тут эти незатейливые части супового набора для малообеспеченных слоев населения покачиваются. Убожество полное.

Дружбан вился рядом, ожидая похвалы.

– Оч интерес-сно! – восхитился муж и подхватил дизайнера в танец смерти. Виден был светящийся скелет и тонкий юноша в костюме змеи, вьющийся возле черепа, ребер и позвоночного столба.

Шел отсчет последних минут, когда они еще были мужем и женой. И в эти финальные мгновенья она ничего такого не замечала. Спать только захотелось неодолимо. Но такое случилось и раньше, если перетусуешься. Она издали жестами показала мужу, что едет домой. Смешно получилось: один скелет машет другому, складывает кости рук книжечкой, кладет на них череп с черными глазницами: «Засыпаю!» Другой скелет отмахивается резко: «Пока!» У них все строилось на доверии: если один устал, а другой недогулял, пусть все идет своим чередом для каждого по-своему.

Она только через пару недель догадалась, что вуду помогли. Когда подружки одна за другой начали квохтать по телефону, захлебываясь от восторга: «Твой с этим дизайнером недоделанным – сладкая парочка!» Она за это время мужа ни разу не видела. Секретарша позвонила, велела не ждать – дела. Мобильный не действовал. Свекровь ничего не знала, сама до сына дозвониться не могла, но была уверена, что все нормально: «Дела есть дела, вернется – мы ему покажем, как исчезать без предупреждения».

Потом объявился совсем чужой человек, представившийся адвокатом, которому поручено вести дело о разводе. Она рыдала: «Я хочу поговорить с мужем, дайте мне поговорить с мужем! Я все объясню!» Она же знала, что муж ни при чем, что это действует заклятие колдуна, которое она же сама и сварганила, и оплатила для всеобщего веселья.

Встретиться с мужем с глазу на глаз не удалось. Уже в загсе, где они обязаны были появиться вдвоем, она поразилась изменениям в нем: другая прическа, локончики на шее лохмушечками, взгляд враждебный.

– Подумайте! – настаивала работница загса. – Семь лет женаты!

Тот, кто раньше был мужем, отчеканил с отвращением, повернувшись к своей первой любви: «Я не люблю тебя! Я тебя не люблю!» В его голосе звучало такое удивление (семь! лет! вместе! с ней???!), что вопросов больше не было.

Она жила у родителей. Опять же – что такое «жила»? Лежала, отвернувшись к стене. Горя не было. Просто хотелось, чтоб стенки со всех сторон и сверху – крышка.

Изредка доносились «вести с полей». Через полгода «федик» насытился своей победой. За это время обожающий его бойфренд купил ему дивную квартиру-пентхаус в центре столицы, открыл представительную фотостудию, повозил конкретно по миру. Стал обременять своим назойливым вниманием. Тем более что, будучи в Париже как участник выставки авангардного фотоискусства, голубенький принц снова влюбился без мер и границ. На этот раз в пожилого миллионера-вьетнамца, владеющего домами в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, не говоря уж о поместьях в Индокитае. К искусству вуду прибегать не пришлось: изысканный азиатский царек сам проявил бешеную инициативу, по-деловому обозначив цену своего чувства. В цене сошлись. Бывший муж, задыхаясь от сердечной боли, молил о совместном счастье. Тогда пришлось его пожалеть, объяснить, чему он обязан пылкости своего чувства. Вернее, кому. Откровенничал от души, а зря. И у накрепко охмуренных остается, оказывается, где-то на дне души умение обижаться на своих повелителей. «Федик» был избит до полной неузнаваемости холеных черт. После чего пострадавший немедленно отбыл расколдовываться.

К ней он все равно не вернулся. Не к чему было возвращаться. Каждому предстояло прокладывать новый жизненный путь, стараясь не вспоминать о прошлом.

Потом ее нашел тот случайный знакомый из памятного флоридского отеля, в котором она была «воплощением весны и светом счастья». Он убедил ее, что жизнь продолжается. Он научил, что когда кончается одно, обязательно должно начаться другое. Негативный опыт необходим. Как прививка от губительной болезни. Прогоришь в лихорадке пару дней, зато зараза больше не опасна.

Они поженились. На свадьбе присутствовали только родственники. Она настояла, чтобы немедленно улететь. Запретила разглашать свой новый адрес.

Она поет. Скоро решится выйти на сцену. Главное – забыть, что из темноты на тебя смотрят не только любящие глаза.

Кавказский пленник²

Спаси, Господи, и помилуй старцы и юнцы, нищия и сироты и вдовицы, и сущия в болезни и в печалех, бедах же и скорбех, обстоящих и плененных, темницах же и заточенных...

(Из молитвы утренней)

1

А название чего-то старое. То ли Толстой, то ли Пушкин, то ли даже Державин. С восемнадцатого века взаимодействуем. «О юный вождь, сверша походы, Прощел ты с воинством Кавказ...»

Там красота! Горы громоздятся! Характеры куются будь здоров! И не скучно совершенно. То Печорин умыкнет дикую (по его мнению) девушку Бэлу, то он же коня загонит, то Жилин с Костылиным в плен попадут, и лица кавказской национальности станут с них выкуп требовать, то друг наш сердешный, всенародный богатырь уральский решит под Новый год по пьяной лавке разьедрить всех налево, и у него получится не только налево, но вполне всесторонне. Эх! Недаром все печально начиналось у Солнца нашей поэзии:

...Вспомнил юноша свой плен,
Как сна ужасного тревоги,
И слышит: загремели вдруг
Его закованные ноги...

Всё, всё сказал ужасный звук;
Затмилась перед ним природа.
Прости, священная свобода!
Он раб!³

О как! Все точно. Раб – и без никаких. (Больше цитат не будет, не тревожьтесь.) Но тут просто про нашего героя написано. Только наш, про которого этот, сто непонятно какой, «Кавказский пленник» повествует, не юноша. А остальное все сходится совершенно буквально: место действия и расстановка сил. Но вряд ли только так красиво получится написать, как тогда писали. Времена меняются, и не хватает букв. Тех, которыми когда-то наши классики пользовались и которые, однако, стали лишними. Народ взбунтовался, смел лишние буквы, как ненужный сор. Вот оно и пошло-поехало. И подкатило к нашему гордому веку.

Гордиться есть чем, несмотря на потери. Буквы – тьфу. Одной закорючкой больше, одной меньше, делу не помеха. В сортирах и на стенах подъездов слова из трех, четырех, пяти букв живее всех живых. Что еще надо? Территории необъятные, пусто, как во времена динозавров. В недрах всего полно. Зимой снег, летом солнце. Березы, осины, куст ракиты над рекой. Трудности неизменно преодолеваем. Характер – поискать. Позитивные сдвиги появились. Романтики исчезли. Народ реально смотрит на вещи. Сам себе помогает. Только на себя надеется. А это дорогого стоит.

---

² Название поэм А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, рассказа Л.Н. Толстого.

³ А.С. Пушкин. Кавказский пленник.

Вот ну-ка ткнем наугад пальцем в самую народную гущу и приблизим к себе эту случайно тыкнутую точку. Увеличиваем, так, на первый взгляд может даже старичком показаться. Но если его как следует помыть, побрить и причесать, станет понятно, что ему лет сорок, ну может, совсем с небольшим. То есть самый лучший мужской возраст. Вот в таких вот и нуждаются женщины для создания семьи и уютного гнезда.

2

Давным-давно, больше двадцати лет назад, вернулся он из армии. Парень хоть куда, с дипломом техника по радиоэлектронике. Женился на девушке из поселка, не простой, а обучавшейся в педучилище. Ей, как стала она учительствовать, выделили от поссовета каркасно-щитовой трехкомнатный дом с верандой. Чтоб семью заводила и крепко корнями врасстала в окружающий ландшафт. Он же устроился работать на очень серьезное предприятие почти что в самой столице. Детей они даже не сразу завели, решили сначала все подготовить, купить вещи в дом. Чтоб потом уже думать только о потомстве. И у них постепенно накопилось все необходимое: цветной телевизор отечественного производства, два ковра чистошерстяных висели на стенах в зале и в спальне. Холодильник и отдельная морозильная камера, чтоб запасы хранить. Мягкая мебель, румынский гарнитур. Стенка. Кухню он сам смастерил, своими руками. Миксер. Сковорода. Два сервиза, хрустальные вазы. Кофеварка. Пылесос. Фен. Стеганое покрывало. Подушки перовые. Сапоги зимние на цигеечке и осенние. Полушубок дубленка мужской. Две ондатровые шапки – ему и ей. Пальто с норковым воротником. Золотое кольцо с фианитом. Музыкальный центр. Им еще, как водится, родители помогали, и его, и ее. Жили все в одном поселке, у всех справные квартиры. Естественно, все силы бросили на детей.

Серёнька родился через пять лет их неустанного обустройства. Дом, понятное дело, был полная чаша. Но в стране уже разлаживалось. Появились ограничения. Прежде всего – в выпивке. Продавать стали только с двух до семи, в одни руки давали не сколько хочешь, а сколько велел начальник государства. Может, он и хотел добра своим подчиненным, только по ограниченности кругозора не осознавал очевидного закона: любое отсутствие требует немедленного присутствия того, что отсутствует. И даже в большем количестве.

Начали тогда пить, что придется. Назло ветрам и непогоде. По чуть-чуть. И еще по чуть-чуть. И так далее. Сами чего-то там варили-колдовали. А женщина, как чего сварит, тоже тянется попробовать. Но ели еще в три горла, и закуски всегда был полный стол, причем закуски своей, без ядохимикатов, сульфитов-сульфатов и черномыльских огурчиков-помидорчиков.

Серёнька все это благоденствие застал и помнил хорошо. Памятью и держался. Было время, он мог крикнуть в пространство: «Молочка!», и откуда ни возьмись появлялся бидон, из бидона молоко лилось в большую кружку. Можно было туда еще сахару насыпать сколько хочешь. И самое вкусное оставалось на дне, он столовой ложкой собирал гущу сахара с молоком. Кушал хорошо. Все им гордились. Ест, мол, как взрослый мужик, работник будет хороший, в папку, дом себе своими руками отстроит, женится, детей понаделает, тоже кушать будут деловито.

Но папка сам-то понемногу сдавал. Он уже не мог дождаться до дома, где всегда пока еще было что выпить и чем закусить, и где-то перехватывал на пути, со случайными встречными. Мамка ждала, злилась и начинала одна, без него, чтоб доказать, что и ей не скучно, что и она себе веселье найдет, раз так.

По выходным, правда, отдыхали еще культурно, деды с бабками подтягивались. Пельмени, а то и котлеты варганили из ворованного мяса. Где-то наладились воровать, с кем-то там договорились и неуютно не чувствовали. Хотя в магазины уже практически ничего не завозили,

но магазины были ни при чем уже после главного – алкогольного сигнала. После выходных все болели. Стонали утром в понедельник, кряхтели, но на работу шли. Серёнка сам топал в детский сад. Там пройти было – всего двадцать детских шажков. Кормили нормально, добавки – сколько хочешь. Кто плохо ел, тех заставляли, не выпускали из-за стола играть.

К школе он лучше всех был готов, в пять лет читал, считал до ста и писал крупными буквами, но довольно стройно. В конце мая, перед первым его школьным годом, мать родила девочку, сестричку Светку. Она сама говорила, что решила рожать, чтоб всей семьей начать новую жизнь. Тут еще и до родов перемены были лихие. Батяня больше не работал, там у них все позакрывалось и посокращалось. Деды с бабками были пенсионерами (пенсии – смех один получать), на огородах во всю силу работать уже не могли, а выпить – вынь да положь в любом случае, к тому же полезли из них всякие хронические болезни. Мать одна работала. И вот она подгадала так родить, чтоб немножко повыкармливать до сентября Светланку, а потом пусть отец с ней сидит, раз у него работы нет. Она читала в журнале «Смена», что такие варианты существуют и это очень скрепляет семью. Потом она очень надеялась, что благодаря Светке пьянка в доме поутихнет и все пойдет по той колее, о которой мечталось ей с подругами лет в четырнадцать-пятнадцать. Ну там – муж – волшебный рыцарь, опора жизни, дети – прекрасные цветы, как с шоколадной обертки, она – сама красавица хоть куда, но верная мужу, потому что любит навек.

Меж тем деньги в школе платить перестали. Муж мирно сидеть с младенцем отказывался, скучал. Он брал на дом чужие телевизоры, фены и прочее добро, в два счета чинил их, а на вырученные деньги добывал себе веселье. Поддатый, он мирно уживался с орущей мокрой Светкой, пел ей песни и рассказывал армейские истории, пока не засыпал сам. Уроков у Серёги было мало, к тому же он все знал и скучал в классе. Он стремился домой, боясь за маленькое живое существо, не умеющее постоять за себя. Светка всегда оказывалась зассатая-засратая и худая лицом от напрасных слез. Он мыл ее, пеленал и кормил из бутылки. Тогда она на глазах делалась красивой, щекастой. Когда мать приходила, все было в порядке. Отец и дочь спали. Сын тут же просился гулять и исчезал до ночи. Мать не волновалась за Светку, под присмотром отца пропасть она не могла.

Серёга же в то время, когда он якобы гулял, вовсе и не гулял, а ездил на разведку в Москву. Что-то ему подсказывало, что надо разобраться в обстановке, понять, откуда все-таки у людей берутся деньги, раз в его семье они водиться перестали. И если в других местах деньги есть, то как сделать, чтоб часть их попала к тем, кто в них нуждается, например к нему. Матери с отцом он уже не очень сильно доверял. То есть доверял, но не на все сто. В них была слабость и ненадежность. Мнение меняли по сто раз на дню. Мать ревела чуть что, пойду, мол, в уборщицы к богатым, как Светка чуть подрастет. Ну и шла бы. А то только ревела и ходила исправно в свою школу, где уже год денег не получала. Отец по пьяни все оплакивал свои золотые руки. «Вот этими самыми руками, вот этой самой головой!... А теперь...» Как на похоронах. Ну, похороны обычно длятся день, а потом начинается опять жизнь. А у этих – просто каждый день похороны. То ревут, то ругаются, то поддают. Вот Серёга и ездил разобраться, везде ли так. В электричках билета с него не спрашивали, вообще как-то редко спрашивали билеты тогда. Он приезжал в самый центр, к трем вокзалам. Но там ничего было не понять: шум, грязь, ворье. Сколько раз Серёга видел, как воры прут у теток кошельки из сумок, а те стоят, как коровы бесчувственные. Он-то все видел из-за своего малого роста: глаза получались на уровне воровской руки. Значит, у воров деньги были. Серёга чувствовал в себе силу научиться их ремеслу, но отказался от этого дела. Жалость мешала. Он так и представлял, как тетка плачет над украденными деньгами, а дома дети ждут и надеются. Он выбирался от вокзалов на Садовое кольцо, смотрел на красивые магазины, рестораны. Из магазинов выходили невиданные люди – огромные мужики и нарядные, как принцессы, девки, они толкали перед собой огромные железные тачки с яствами, как из скатерти-самобранки. Вот где деньги-то!

Один– единственный раз и ему перепало. «Эй, пацан, – позвал бычьего вида дядька, – ну-ка, закинь-ка все это дело в багажник». Серёга закидывал, пока богатей покупал цветы у бабки. Перед своей телкой красовался. И потом подал Серёге зеленую деньгу из пачки, красиво так подал, не свернутую, а чтоб была видна цифра 10 напоказ. Серёга цапнул и слинял, потому что понимал, что это удача на новенького и что не один он тут такой. А за такое везенье можно жизнью заплатить.

Он уже тогда, сопляком семилетним, решил, что, если какую денежку сшибет, тратить не будет ни за что, пока все идет как идет. Он решил прятать, что получится, на черный день. И прятать придумал хитро, чтоб отец в момент жажды не нашел – он был мастер мамкины заначки отыскивать.

Деньги добывались очень помаленьку. Он и сам понимал, что слишком мал еще, подрасти надо. Но все равно упрямо ездил в столицу набираться уму-разуму.

На какое-то время семье помог несчастный случай. Угорели материны родители. Слишком рано трубу у печки закрыли, что ли. Короче, не стало их. Осталась справная квартира, хозяйство, участок, садовый домик. Все это удалось продать: как-никак к Москве близко, а деньги не сумасшедшие, как там. Опять зажили с деньгами. Куртку Серёге купили на вырост, сапоги зимние, ботинки. Отец пристроился в какой-то кооператив, чего-то там мастерил по здоровью, коврики какие-то электрические чудодейственные. Светку отдали в детсад. Слушалась она только брата, он был главный авторитет. Серёга на некоторое время усыпил бдительность, перестал в Москву навещать, в голове пока планы разные держал. Надо было обзавестись другом и держаться вместе. Вдвоем отбиваться легче в случае чего. Варианты вырисовывались разные.

Например, петь в подземном переходе. Но не в простом, а возле сытого-пьяного места. Чтоб публика шла к своим машинам по переходу, а там – песня. Деньги б были. Опять же – конкуренция. Хорошие места не одному ему нужны. Попробовать все равно не мешало. Потом помощь при супермаркете. Дело верное. Машины мыть тоже можно. Можно рекламы по ящикам разносить, но тут его точно пока не возьмут, мал слишком. Он решил в любом случае пока переждать. Пока дома есть еда и Светка надежно пристроена.

Естественно, деньги кончились. Отцовские электрические коврики тоже. Правда, матери начали платить зарплату. Пили они с отцом вечерами на пару. По утрам она как-то все-таки собиралась и шла учить детей уму-разуму. К этому времени Светка уже тоже училась в школе, отличаясь, хоть и не очень сильно, от других детей своим внешним видом. У матери не хватало сил постоянно следить за чистотой одежды и обуви дочери, всю энергию вычерпывала работа.

Туго стало со жратвой. Есть хотелось постоянно, а не было чего. В школьном буфете давали какие-то крохи, а хотелось нормального и чтоб много, как раньше. Хлеб, правда, был, картошка, чай, но сахара не хватало, хотя он даже снился ночами во всем своем сыпучем изобилии. Серёга опять принялся за былые путешествия. Он жадно прислушивался к тому, о чем толкует народ в пути. Кто не спал и был способен общаться, ругал все окружающее пространство – как географическое, так и историческое. Взрослых людей раздражало прошлое, настоящее и будущее. А также внешние и, главное, внутренние враги, погубившие все бывшее, которое тоже было говнистым, но хоть можно было продохнуть, если не гнать волну, а сейчас так за горло взяли, что даже взвыть в полный голос не получится. Постепенно вычленились в Серёгином сознании группы лиц, наиболее виноватых в бедственном положении пассажиров электропоездов Казанского направления. Это были: дерьмократы, черножопые и жида. Взрослым, конечно, видна голая правда, но про свои беды он понимал так – не пили бы мамка с папкой, хотя бы нормально в огороде работали, так у них хоть банки закрученные с огурцами-помидорами-перцами не переводились бы всю зиму да деньги винные тратились бы совсем на другое. На детей, например. Себе он обещал не пить, ни сейчас, с родителями, ни потом, когда вырастет. Ни капли, ни под каким видом. И Светке все время говорил: смотри, чтоб не пила никогда

и ни с кем, иначе откажусь от тебя. Этого она боялась, головой мотала, за руку цеплялась: не буду, не буду, ни за что!

В Москве, у большого богатого магазина, улыбнулась ему удача: подружился с правильным человеком. Человек был его возраста, назывался Николай. Он был наполовину сиротой – отец помер от спирта «Ройаль», прошелся такой смертоносный напиток по безграничным российским просторам. Мать, к счастью, непьющая и двое младших погибли бы без помощи, но Николай родился мужиком рассудительным, школу немедленно бросил и подхватился зарабатывать на прокорм семье. Он стоял у кассы супермаркета и помогал паковать и загружать в машины большие покупки. Выглядел он хоть куда: чистый, одетый красиво, в глаза смотрел с улыбкой, не приbedнялся. Он подарил Серёге одно мудрое знание: богатых надо не на жалость брать, а видом собственного процветания и удачи. Они на это скорее покупаются, денег больше отстегивают. Нищему дадут копейчку, а сытому-благополучному труженику – сотню.

Знакомству помог счастливый случай, который подворачивается тем, кто ищет не переставая. Серёга в поисках заработка очутился у магазина в суматошный предпраздничный день, а Николай не успевал всех клиентов охватить, деньги уплывали в никуда. «Ну что встал, закидывай в пакеты с ленты, видишь, женщина одна не справляется!» – приказал будущий главный друг. Так вот и работать стали на пару. Хотя, конечно, целиком отдаться бизнесу Серёга не мог: не смел мать подводить, уроки прогуливать. Не получилось бы у него также остаться на ночную трудовую вахту: Светка бы сильно забоялась одна с родителями. Ночью, кстати говоря, собирався самый выгодный урожай – веселые парочки расслабленно катали тележки с бутылками, сладостями, мясными нарезками и душистыми средствами личной гигиены; одинокие деловые могучие мужики вихрем облетали магазин, набирая что покрасивее, чтоб задобрить рассерженных своим долгим отсутствием жен. Эти-то кадры и отваливали по столынику за услугу. В вечернее же время народу было тьма, а хлопоты нередко оказывались пустыми. Если кто берет немного, нечего к такому со своей помощью соваться. А то еще некоторые платят на кассе не деньгами, а карточкой. Тащишь им сумищи до машины, а они потом: «Ой, а у меня наличных нет дать тебе». Кто добрый, сообразит хоть что-то из своих покупок несметных сунуть – шоколадку, булку какую или хоть йогурт красивый. Но чушки каменные тоже попадаютса будь здоров. Используют твои последние силы и оставят ни с чем.

Как бы там ни было, заработок случался. Не сравнить, понятное дело, с добычей Николая, но жить стало веселей. Серёга набирался новых привычек: стал мыться перед работой, ходил в парикмахерскую стричься, чистил обувь, менял ежедневно носки и трусы, чтоб не вонять клиентам. Светку стал приучать к чистоте, чтоб на люди задрыгой не показывалась. Ели они теперь сытнее, родительское почти не трогали, пусть лучше закусывают как следует, может, добрее станут.

Этот благополучный период длился довольно долго. Светка подросла, Серёга возмужал. Школа была ему, как дырка в голове, мешала дело делать, силы впустую тянула, тем не менее как-то оно все шло стабильно.

И тут грянула беда. Сначала незаметно помер последний их дед, отцовский. Не успели опомниться, бабка за ним подтянулась. Родители принялись с немислимой скоростью продавать все, что осталось от стариков, и ненасытно пропивать вырученные от продаж средства. Избавившись от квартиры, обмывали сделку чем-то таким несомместимым с жизнью, что мать уснула и не проснулась. А отец хоть и проснулся, но так в себя и не пришел, сдвинулся совсем и помнить всех перестал. Нет, главное он помнил будь здоров как. Про то, что утром надо похмелиться, потом добавить, потом подлить, потом залакировать, потом для просушечки. В общем, крутится-вертится шар голубой. Детей же своих он как бы и не признавал, раздражался от их присутствия страшно, прямо выл и рычал на них в тугие минуты, как на конкурентов в борьбе за лишний глоток.

Школу Серёга забросил совсем. Какое там! Вырос, выучился. Паспорт имел. Скоро можно и на воинский учет становиться. А какой ему учет, если на руках Светка, и чем оставлять ее одну с отцом, лучше убить сразу, чтоб не мучилась. У везучего Николая все было схвачено: мать имела инвалидность по глазам, и он был единственный законный кормилец, пока не подрастут малолетки. Ему полагалась отсрочка. Серёгин отец тоже вполне тянул на инвалида, но как его оформить, как объяснить?

За считанные месяцы дом их опустел, остались одни стены. Все, что мог, батяня распродал или выменял на пропой. Свое, материнское, детское. У них со Светкой вообще не осталось ничего, кроме того, что было на них. Попробуй тут хорошо выглядеть. Осень надвигалась. Как быть зимой, чем печь топить, в чем девчонка в школу пойдет, как выкопать картошку и куда спрятать урожай от отца? Но эти вопросы, как оказалось, были только присказкой. Главная сказка тучей надвигалась на их головы.

В папашу влюбилась женщина Лена. Рязанская, молодая. Она как-то сама пришла в их дом, когда брат с сестрой ковырялись в огороде, а глава семьи расслабленно лежал на полу в бывшей спальне. Женщина походила по жилплощади, не обращая внимания на парня и девчонку, заглянула даже в подпол – сухой ли, – постучала по стенам и только после этого подошла к одинокому мужчине.

– Такой жених – и одинокий! – пожаловалась она, садясь рядом с женихом на пол и доставая из торбы бутылку.

Взгляд отца стал цепким и озорным. Он поднял руку и потянулся к напитку.

– За любовь! – приказала Лена и дала ему глотнуть. – Я тебя, как увидела, сразу полюбила. Красивый ты.

– Когда? – спросил отец.

Скорее всего он пытался все же понять, когда она успела так правильно и по-настоящему полюбить его, сжигаемого жаждой.

– Всегда! – уверенно велела Лена, протягивая бутылку для следующего глотка.

– А ты меня любишь? – спросила она очень четко, после того как мужчина глотнул и выдохнул.

– Да, – преданно рыгнул он и попытался для доказательства потянуть ее за сиську.

Женщина Лена поднялась с пола, забрала бутылку, пообещав, что вернется завтра. Сама она не пила. Командирской походкой прошла мимо детей, вскользь поинтересовавшись их возрастом. «Для органов опеки», – туманно пояснила и промаршировала прочь.

Отцовская свадьба приближалась неминуемо. Он в считанные дни привык, что о бутылке думать не надо, она появится сама вместе с любящей женщиной Леной. Невеста рассказала жениху о планах изменения быта к лучшему: этот дом гнилой продать поскорее, самим переехать за Рязань, там воздух для детей. У нее тоже сын от первого брака, дети будут дружить, как родные. Вот она присмотрит дом для переезда и тут же все оформит.

Серёга затосковал смертельно. Он чувал, что никакого нового дома не существует, женщина Лена все подгребет под себя, и быть им со Светкой бомжами недолгую оставшуюся жизнь. На жилье-то денег вон сколько надо, где ему враз заработать!

Отец во всем слушался будущую жену, как главного человека своей судьбы.

Что было делать?

Последней электричкой отправился он со Светкой в давно не навещаемую Москву.

Николай, как всегда, был на месте. Он все понял с полуслова.

– Да! Не повезло! Надо было им вместе не проснуться. Слушай, а может, увезти его, поддатого, подальше, бросить там, а баба пусть ищет. Без него свадьбы не будет, а?

– Его увезешь! Он громадный, тяжелый, а я – вон какой. Не доволоку.

Серёга ростом был вполне ничего, но весом не получился, худой, как скелет, даже глаза и щеки запали, все в рост пошло. Кроме того, даже если бы получилось из последних сил пере-

кантовать папашу в другую местность, гарантий, что он заблудится, как Крошечка-хаврошечка в лесу, все равно не было. А вдруг подцепит другую женщину Лену, привезет ее по адресу прописки, и начинай сначала.

– Тогда так, вот еще вариант, но, смотри, страшный. Сосед у меня есть один, с ним переговорю утром. Тогда тебе скажу.

Серёгу устраивал любой реальный вариант. Чего ему бояться было, кроме голода и зимы?

И ничего уж такого страшного Николай не предложил. Живет такой парень – подбирает, кого ему заказывают, и отправляет в горы на работу. Там, ясное дело, не отель «Метрополь», но кормят как-то, работать заставляют, по той профессии, по которой брали. И оттуда не возвращаются. Вот что главное. И еще главное, чтоб отец подошел. По специальности.

Он подошел.

Все решилось очень четко и незаметно.

Просто надо было объяснить отцу, что на следующей остановке после Коломны его ждет женщина Лена с бутылкой и любовью. Ровно в восемнадцать ноль-ноль. Серёга проследил, чтоб все было как велено.

Невеста еще несколько недель металась на свидания с женихом, но потом поняла, что в доме есть хозяин, и отвяла.

Для сочувствующих поселковых окружающих отец куда-то запропал, то ли на работу поехал устраиваться, то ли лечиться. Но паспорт его тут, дома, и все документы тут. Забыл, когда ехал. Голову потерял.

Никто его не ищет.

Ребята наладились жить как могут.

Серёньку забраковали на призывной комиссии, сказали «дистрофик».

Ничего, он выправится. У него план жизни намечен. Еще и в армию возьмут с распростертыми.

Глядишь, и папку отыщет, освободит. Но это не скоро, до этого долго еще.

Только не становись ветром.

Все решается в одиннадцать лет. До этого каждый мил своим детством: носики не шнобелятся, уши не лопушятся так, что никакими волосами не прикроешь, ноги не круглятся кавалерийским овалом. Это довольно серьезное предательство природы: за десяток лет привыкаешь к себе маленькому и миленькому – уси-сюси-пусси, какие мы малюси, какие мы смешнюси. И вдруг, чаще всего за лето, проявляется подлинная сущность человека, с которой ему жить все отведенное последующее время. И бывает, жизни не хватает, чтоб привыкнуть к себе настоящему, и людей вокруг начинаешь ненавидеть, зная за них, что они сейчас подумают про твои прыщи или зубы в железных скобках.

Бывает и наоборот. Когда все происходит, как в сказке про лжеутку-подкидыша.

Появляется белая лебедь, вся в изгибах, перьях, пене, глаз подсвечен изнутри сиянием. Даже текучие воды застывают, чтоб отражение не испортить.

Все готовы любить. А что еще с красотой делать? Ощипать, суп сварить? Такое практикуется нередко. Однако из просто уток супы вкуснее и полезнее. А этими – только любоваться, пока перья не повывлезают. А есть еще такие психи, что шею норовят свернуть – потому что нельзя быть красивой такой. Так что, может, с ушами-радарам и носом-рулем оно и спокойнее, и характер формируется поуживчивее в соответствии с рыночным спросом.

И еще, конечно, лучше бы красивые появлялись исключительно в богатых, ни в чем не нуждающихся семьях. Им бы тогда больше простили, учитывая их материальные возможности и практическую недоступность. Но природа на такую справедливость не пойдет ни за что, хотя и делает богатым целый ряд скидок: пластическими операциями и другими дорогостоящими манипуляциями даже лягушку можно превратить в лебедя. Хотя все равно непонятно, зачем

им это надо. Ведь у красивых статистически судьбы одна жалче другой. Все норовят красотой обладать, вобрать в себя хоть лучик от светящегося ока, хоть улыбку, хоть слезу. И чаще всего слезу. Для самоутверждения.

Ну вот и жила на свете одна из таких красавиц. Мама ее шила другим женщинам одежды, в которых те старались затмить одна другую. Девочка с ранних лет видела рыхлых и тощих тетенок в нижнем белье, редко когда их украшавшем, с гордыми лицами, улыбающимися своим отражениям в маминой примерочной комнатке. Они ей не нравились. Хотя понятно было, что именно из-за их стремления украшать себя, баловниц судьбы, они с мамой и существуют. Папа когда-то и где-то был, но растворился в сиреновом тумане. Поэтому мама проклинала всех мужчин, повторяя, что со стороны противоположного пола дует ветер коварства, обмана и подлости. Спорить было трудно, ибо факты – вещь упрямая, а папа плевать на нее и то брезговал, и это был факт. Мужчин она не уважала и сторонилась, хотя мечтала о любви – одной-единственной и на всю жизнь. Откуда приходят эти вредные мечты, непонятно, но посещают они всех, никого не щадят.

И именно в момент возникновения мечт стали проявлять беспокойство мамы клиентки. До этого им совершенно не мешало, что в комнате ошивалась дочка портнихи, как бы нахально ни паялила она на них свои глазищи. Они даже иногда спрашивали у нее снисходительно: «Ну как?» или: «Спину не тянет?», или: «Цвет не бледнит?» и вполне удовлетворялись безликими словами: «Нормально», «Вполне» или просто кивком. А тут вдруг одна за другой стали стесняться раздеваться при ней и расстраивались из-за фасонов и цвета лица.

Мать, как более опытная в их семье, догадалась первой и объяснила, что теперь надо думать, как лучше распорядиться своей красотой. Дочка к этому времени, как назло, уже перестала верить матери безоговорочно и усомнилась в собственных возможностях. Она ни в чем не была уверена, тем более в себе самой, которую уже бросил самый главный мужчина ее жизни – отец. Но мать все талдычила об уме и хитрости, о перспективе просидеть за машинкой в три погребели, как она сама, в случае неверного шага на дороге фортуны. И тут же колыхались грезы о немислимом счастье первого объятия и поцелуя.

В общем, было несколько попыток осуществления в реальности сладких снов. Несколько подходов. Как в соревнованиях по легкой атлетике. Попробовал взять высоту и фигакнулся на мягкий мат вместе с непреодоленной планкой. Даже синяка не остается. Вставай и иди прыгать дальше. После падения с высоты нежных чувств оставались травмы похлеще синяков и переломов. К двадцати годам она была уверена, что все в ее жизни позади, душа выжжена, как японский город Хиросима атомной бомбой. Она даже успела убить в себе ребенка от человека, который казался любящим и прекрасным, но был как все, даже хуже, чем все, потому что слишком приблизился и мог кричать в ответ на ее слезы: «Какая же ты уродина!»

Она нашла в себе силы остаться в живых и даже выглядела еще краше прежнего. Но превратилась в Спящую царевну, чего, разумеется, никто не замечал. Нет, Спящая царевна – это все же девятнадцатый век, это не то. Скорее она была как зомби из песни. Ну там – «зомби тоже могут играть в баскетбол». Про зомби, глядя на нее, никто не догадывался. Юная дева, взгляд – *de profundis*, из самой то есть глубины души, в прекрасных одеждах (старания не теряющей надежду матери), с загадкой, нимбом витающей над головой. И все-таки – живой труп. А какие мысли и чаяния могут быть у трупа? Да уж ничего хорошего.

Задумки были такие. Устройство судьбы себе на пользу. Красота – тоже капитал, и его следует выгодно вложить под большие проценты. Не повторить судьбу матери. Жить только для себя. Ну и там еще кое-что по мелочам: никому не верить, никого не любить и всякое такое. Правильная, сильная и надежная программа для любого приличного зомби.

Как только вырабатываешь основную линию жизни, тут же начинает везти. Остановившись у первого же книжного лотка, она заметила книгу-руководство «Как выйти замуж за миллионера». Книга стоила довольно дорого и была в единственном экземпляре. На нее обращали

внимание все подходящие к книжному развалу женщины – молодые и старые. Тянули к ней свои ненасытные руки, но, взглянув на цену, принимались иронизировать над пособием, хоть и пытались при этом выхватить хотя бы один-два совета, пока продавец не заберет недоступный им сборник инструкций.

Мертвецам терять нечего. Она отдала все, что у нее было, за этот увесистый якорь надежды и принялась штудировать тезис за тезисом. Безоговорочно выполняла все предписания. И ведь недаром же все мудрецы прошлого хвалили полезное чтение. Один написал: «Всем лучшим во мне я обязан книге». А другой умолял: «Любите книгу – источник знаний». (Наверняка неспроста, тоже в свое время отхватили себе какой-нибудь магический трактат вроде «Как стать популярным мыслителем и разбогатеть».) В общем, все у нее сбилось с миллионером. Всего лишь за год напряженной работы. Стопроцентный безусловный успех.

Ей исполнился двадцать один год. Жениху стукнуло шестьдесят шесть. Строго говоря, звание миллионера ему не подходило, состояние его измерялось миллиардами. Внешне он не выглядел уж таким противным, каким имел право быть, учитывая возраст и тяжело нажитые капиталы. У него только были коричневые пятна на руках, обвислый живот, лысина и дряблый подбородок. Искусственные зубы, волосы в носу и красные прожилки на щеках. Но это все замечалось, если совсем уж вникать. А так – ухоженный, опрятный, не вонючий, как нормальные деды. Наоборот даже – пахло от него всегда приятной туалетной водой, не назойливой и душистой, а ветром странствий и комфорта. За спиной его оставалась серьезная биография: четыре жены, и от каждой по двое детей. Все восемь – девочки. И все старше ее – пятой законной супруги. Всех предыдущих он обеспечил выше крыши. От нее, новенькой, не требовалось ничего. И ничего больше, чем тем, не предлагалось. При жизни мужа она имела неограниченный кредит в банке, любые путешествия и вообще все, что пожелаешь. Наследство же, оговоренное в брачном контракте, предполагалось вполне ординарное для вдовы такой масштабной личности: квартира в центре города, вилла в горах Италии и сумма денег, которая вполне могла быть названа небольшой сравнительно с тем, сколько она имела право тратить при его жизни. Правда, супруг заикнулся об одной мечте, но ни на чем не настаивал: ему очень хотелось бы оставить после себя сына – главного наследника. И тогда он завещает ему и его матери весь свой основной капитал в равных долях. Но все это было не обязательно и только по желанию обожаемой красавицы жены.

Само собой разумеется, никакого желания потакать стариковским чаяниям у нее не было. Она для себя решила, что честно отработает предоставленные блага. Не уклонялась от исполнения супружеских обязанностей. Находила в себе силы улыбаться и целовать с нежностью возбужденного удачной близостью мужа. Сопровождала его во всех перемещениях в пространстве. Давала интервью проплаченным журналистам, делилась подробностями снизошедшей на нее неземной любви.

Но богатство – это тот еще капкан. Засасывает, как болотная топь в триллере. Она с невероятной быстротой привыкла ко всему, что могут деньги. Захотел – полетел в теплые страны на пару деньков, если наскучил дождь. К пространствам своего жилища (не обязательно было помнить, сколько в нем комнат, да и не упомнишь), к трепетно неслышной охране, создающей вокруг тебя безопасную пустоту, к покупкам всего, чего в голову придет. И, главное, после всех безумств шопинга не надо было хвататься за голову: что же я наделала и на что теперь жить.

Всего через несколько месяцев после замужества она осталась переночевать у матери, потому что той нездоровилось, и не смогла уснуть в своей детской комнатке площадью двенадцать квадратных метров, на своем продавленном диванчике. Ей катастрофически не хватало воздуха в этом помещении. Она не была чванливой дурой и прекрасно понимала, что, во-первых, многие-премногие живут еще куда хуже, чем это было у них с мамой, а во-вторых, в принципе, человеку для жизни очень мало надо. И можно вполне чувствовать себя счастливым, не имея ничего. Тогда весь мир становится щедрым к тебе, а не только съедающий твою

молодость, хищный чужой человек. Она еще помнила, как это бывает в настоящей жизни. Что можно просто на попе съехать по песчаному обрыву к реке и лежать у текущей воды, глядя на чередование белого и голубого в небе. Или купить круглый черный хлеб, еще теплый, и наестся им, шляясь по улице просто так. Только все это хорошо, когда силы есть и душа не заплевана.

Нет, назад дороги не было. Она брезгливо наблюдала, как лебезит перед ней утренняя мамина клиентка, начитавшаяся где только можно о ее головокружительном везении. Попробуй теперь вернись в их мир – затопчут, как заразное насекомое. Лишь одно и можно было – намертво устраиваться в завоеванной жизни. И назад не оглядываться. Так и в заветной книге говорилось: выйдя замуж, нельзя успокаиваться, считая, что последний рубеж пал. Потерять все можно в два чиха. Поэтому необходимо постоянно думать, чем еще и еще привязать к себе жертву своей охоты, чтобы она не опомнилась и не бросилась стремглав прочь от ловца.

И вот, размышляя таким образом, пришла она к выводу, что ребенка не избежать. Те, прежние, тоже ведь не дуры были. Тоже старались, как могли, без всяких даже полезных советов. И фиг бы им что досталось, если б детей не народили. Конечно, он сейчас не тот, плачет от любви к ней, клянется, что всю жизнь одну ее такую и искал, что она его последняя и единственная. Подводит ее к зеркалу и любит ее то ею, то отражением. Никак не может глаза свои насытить. И возраст – к семидесяти. Но на двадцать – двадцать пять лет как минимум его еще хватит. Порода у них – мореный дуб. Мать его до сих пор жива и указания ей дает, как о сынке ее заботиться. А вдруг лет через двадцать ее побоку? И новую возьмет, которая еще сейчас и не зародилась даже? И будет ее о сыне просить? Все может быть запросто. То есть именно так и будет, если она поведет себя как дура по отношению к самой же себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.